

Секова Анна

Аня,
не трогай!

Реальные истории
из моего детства

Любпытство,
фантазия и немного
безобразий – вот и всё,
что нужно для
приключений!

Анна Секова
Аня, не трогай!

«Автор»

2026

Секова А.

Аня, не трогай! / А. Секова — «Автор», 2026

Аня, не трогай! У каждого детства есть свои тайны. У Ани антресоли, запретные конфеты, папина «профилактика», две табуретки вместо дворца и удивительная способность находить приключения там, где другие находят только неприятности. Она была хорошей девочкой. Просто у неё было слишком много идей. И если вы думаете, что знаете, чем закончится история, не спешите. Потому что Аня уже что-нибудь придумала. И, судя по всему, трогать она всё-таки будет.

© Секова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка, которую невозможно было посадить	5
Глава 2. Тайная жизнь антресоли	8
Глава 3. Для профилактики	10
Глава 4. Я решила спрятаться так, чтобы меня никто не нашёл	12
Глава 5. Сливовый сок	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Секова

Аня, не трогай!

Глава 1. Девочка, которую невозможно было посадить

Я была очень хорошей девочкой.

Просто у меня было слишком много идей.

И ещё я совершенно не умела сидеть спокойно.

Это выяснилось довольно рано.

Стоило взрослым сказать мне:

— Сядь спокойно.

Как внутри меня тут же просыпалось что-то совершенно противоположное спокойствию.

Я начинала ёрзать.

Потом качать ногой.

Потом смотреть по сторонам.

Потом находила что-нибудь чрезвычайно интересное.

Например, ниточку на ковре.

Или пятнышко на стене.

Или вдруг вспоминала, что мне обязательно нужно посмотреть, что там происходит в комнате, подъезде, во дворе.

Причём это «обязательно» было очень серьёзным.

Я могла начать делать одно дело, а через пять минут уже заниматься совершенно другим и искренне не понимать, почему взрослые недовольны.

Особенно сложно было со стихами.

В детском саду или потом в школе нам давали учить стихи, и мама садилась со мной заниматься.

— Давай ещё раз, — говорила она.

— Внимательно.

Я кивала.

Очень внимательно.

Начинала:

— Уронили мишку на пол...

И тут мне обязательно становилось интересно, что лежит под столом.

Я наклонялась.

— Аня!

— Я слушаю!

— Тогда сиди!

Я садилась.

Через минуту снова начинала вертеться.

— Уронили мишку на пол...

— Аня!

— Ну я же не убегая!

Пока ещё.

В какой-то момент мама поняла, что обычные методы воспитания против моего характера бессильны.

И тогда появился пояс от халата.

Мама могла посадить меня рядом и слегка привязать этим поясом, чтобы я хотя бы физически оставалась на одном месте.

Никакого особенного драматизма в этом не было.

Просто мама хотела выучить со мной стихотворение.

А я хотела жить.

Жизнь, правда, почему-то требовала постоянного движения.

Так мы и занимались.

Я сидела на стуле.

Привязанная.

Мама напротив.

Стихотворение между нами.

— Ну, давай.

Я тяжело вздыхала.

— Уронили мишку на пол...

— Молодец. Дальше.

— Оторвали мишке лапу...

И тут я начинала смотреть в сторону двери.

Мама сразу это замечала.

— Куда?

— Никуда.

— Тогда на меня смотри.

Я смотрела.

Секунды три.

Потом опять куда-нибудь.

Не знаю, как мама вообще выдерживала.

Наверное, у неё тогда тоже было много терпения.

Потому что у меня терпения не было совсем.

Мне нужно было всё увидеть, всё потрогать, всё узнать и желательно прямо сейчас.

Если в соседней комнате что-то упало я должна была узнать что.

Если на улице кто-то прошёл я должна была посмотреть кто.

Если кошка куда-то пошла следовало выяснить куда именно.

А если мне говорили:

— Не ходи туда.

То в моей голове тут же возникал единственный вопрос:

А почему?

И если ответа не было, то запрет автоматически становился подозрительным.

Сейчас я думаю, что мама просто хотела, чтобы я хотя бы один раз спокойно выучила стихотворение.

А я, кажется, уже тогда тренировалась быть собой.

Поэтому иногда меня действительно приходилось немного «зафиксировать» на месте.

И знаете, что самое смешное?

Стихи я всё-таки учила.

Причём довольно быстро.

Стоило мне перестать бегать по комнате, как слова каким-то чудом запоминались.

Так что проблема была не в памяти.

Проблема была в том, что у меня в одном маленьком детском теле одновременно помещалось слишком много любопытства.

Я хотела знать всё.

И желательно не потом.

Сейчас.

Наверное, поэтому моё детство получилось таким шумным, смешным и немного сумасшедшим.

И если бы мне сейчас встретилась та маленькая девочка, которая сидит на стуле, перехваченная поясом от маминого халата и старательно повторяет стихотворение, я бы, наверное, присела рядом.

Посмотрела на неё.

И сказала:

— Ну что, шустрая?

А она наверняка посмотрела бы на меня с самым серьёзным видом и ответила:

— Я вообще-то хорошая.

И я бы улыбнулась.

Потому что я-то знаю.

Она действительно была хорошей.

Просто у неё было слишком много идей.

Глава 2. Тайная жизнь антресоли

Я очень любила антресоль.

Для взрослых это был просто шкаф под потолком.

Для меня совершенно другой мир.

Там хранилось всё самое интересное, что взрослые давно перестали замечать.

Старые вещи.

Какие-то коробки.

Клубки ниток.

Воротники из песка, которые когда-то, наверное, считались страшно красивыми.

Какие-то совершенно непонятные предметы, назначение которых я даже не пыталась выяснять.

Мне было интереснее просто рассматривать.

Я особенно любила делать это, когда дома никого не было.

Залезешь на антресоль, откроешь дверцу и начинаешь своё расследование.

Вот это что?

А это зачем?

А это кто вообще носил?

А почему это до сих пор здесь лежит?

Иногда мне казалось, что если хорошенько покопаться, можно найти настоящие сокровища.

Правда, сокровища почему-то состояли в основном из старых вещей, ниток и чего-то, что взрослые называли:

— Ой, это ещё пригодится.

Я тогда не понимала, как может пригодиться вещь, которой уже лет сто никто не пользуется.

Но взрослые почему-то были уверены, что когда-нибудь наступит тот самый день.

Поэтому я всё аккуратно рассматривала, а потом складывала обратно.

Очень аккуратно.

Чтобы никто не заметил моего маленького археологического музея.

Однажды я снова полезла на антресоль.

И вот тут моя экспедиция пошла немного не по плану.

Я была в носках.

А антресоль была полированная.

Это сочетание, как выяснилось позже, вообще не предназначалось для приключений.

Я забралась наверх и полезла к дверце.

Нога вдруг поехала.

Совсем чуть-чуть.

Но мне хватило.

Я почувствовала, что сейчас падаю, и совершенно инстинктивно схватилась за дверцу антресоли.

Наверное, в тот момент мне казалось, что я очень ловкая.

Что сейчас я удержусь.

Что сейчас всё будет хорошо.

Не будет.

Дверца, конечно, тоже не ожидала, что однажды ей придётся выполнять функцию спасательного круга.

Я повисла на ней.

Она не выдержала.
И через секунду произошло то, чего я совершенно не планировала.
Дверца полетела вниз вместе со мной.
Я тоже полетела.
Вниз.
На гладильную доску.
Грохот был такой, что, наверное, даже соседи поняли: у нас дома снова что-то произошло.
Я лежала.
Дверца лежала.
Гладильная доска тоже лежала.
И всё вокруг выглядело так, будто здесь только что проходил небольшой ураган.
К счастью, утюг был не горячий.
А был ли он там вообще сейчас уже не помню.
Зато прекрасно помню маму.
Она вбежала на кухню.
Увидела меня.
Увидела гладильную доску.
Увидела дверцу антресоли.
На секунду замерла.
А потом начала одновременно ругаться и смеяться.
Наверное, это вообще очень материнская реакция.
Сначала убедиться, что ребёнок жив.
Потом ужаснуться.
А потом посмотреть на картину целиком и понять, что если не смеяться, то можно только плакать.
— Ты что там делала?!

Я, конечно, могла бы сказать правду.
Что проводила исследовательскую работу.
Изучала содержимое антресоли.
Систематизировала старые вещи.
Проводила научный эксперимент с полированной поверхностью.
Но я решила не усугублять.
Я просто лежала и молчала.
А потом посмотрела на дверцу.
И почему-то первым делом подумала:
А как теперь её обратно приделать?
Вот такой у меня был характер.
Даже после того, как я вместе с дверцей антресоли рухнула на гладильную доску, меня больше всего интересовало, как вернуть всё обратно.
Ведь я ещё не закончила исследование.
На антресоли оставалось столько всего интересного.
И, если честно, я бы полезла туда снова.
Просто в следующий раз надела бы не носки.

Глава 3. Для профилактики

В Белоруссию мы ехали всей семьёй.

Папа, мама, моя младшая сестра и я.

Я очень любила поезд.

В поезде вообще было чем заняться, даже если ничего особенного не происходило.

Можно было лежать на полке и рассматривать всё вокруг.

Окно.

Столик.

Занавески.

Какие-то полочки.

Людей в коридоре.

Потом снова окно.

Потом опять людей.

В общем, развлечений было достаточно.

Мама читала какой-то журнал и постепенно начинала засыпать.

Сестра чем-то играла.

А я просто лежала и всё рассматривала.

В какой-то момент папа решил сходить за кипятком.

Что именно он собирался там приготовить чай, вермишель или ещё что-нибудь, сейчас уже не вспомню.

Но перед уходом он строго сказал:

— Дверь никому не закрывать!

Мы с сестрой дружно:

— Угу.

Папа ушёл.

Всё было спокойно.

Мама лежала.

Сестра играла.

Я лежала.

И тут мама почему-то ногой слегка прикрыла дверь.

Не закрыла.

Именно прикрыла.

Совсем чуть-чуть.

Так, что там оставалась щёлочка.

Для нас это вообще не считалось закрытой дверью.

Но папа, возвращавшийся с кипятком, придерживался другого мнения.

Он подошёл к купе и с той стороны сразу начал возмущаться:

— Блин! Кто дверь закрыл?! Я же сказал дверь не закрывать!

Мы внутри молчим.

Потому что вообще-то никто её не закрывал.

Мама продолжает лежать.

Сестра занимается своими делами.

Я тоже лежу и думаю, что сейчас папа сам откроет дверь и всё выяснится.

Папа открывает дверь ногой.

Заходит с кипятком.

Ставит всё на стол.

И снова:

— Я кому сказал дверь не закрывать?!
И почему-то его взгляд сразу остановился на мне.
Наверное, потому что у меня на лице было написано:
«Я вообще ни при чём, но сейчас почему-то достанется мне».
Так оно и вышло.
Папа меня отругал и для убедительности хлопнул полотенцем.
Не сестру.
Меня.
Потому что, видимо, было принято стратегическое решение:
если в купе что-то произошло, виновата Аня.
Я, конечно, захныкала.
Но не заплакала.
Во-первых, я уже была опытная.
Во-вторых, я действительно не закрывала дверь.
А в-третьих, мне было ужасно обидно.
Я посмотрела на маму.
— Мам, ты же дверь ногой прикрыла.
Мама посмотрела на меня.
— Да?
Я ждала продолжения.
Мама подумала.
— Я что-то не помню.
Вот это было особенно приятно.
То есть человек, который всё сделал, уже ничего не помнит.
А человек, который вообще ничего не сделал, получил воспитательную процедуру.
Я посмотрела на папу.
Потом на маму.
Потом опять на папу.
И спросила:
— А зачем ты тогда меня ругал?
Папа совершенно спокойно ответил:
— Для профилактики.
Я тогда ещё не знала, что такое профилактика.
Но по смыслу примерно поняла.
Профилактика это когда ты ничего не сделал, но тебя всё равно немного наказывают.
На всякий случай.
Чтобы в следующий раз не сделал.
Правда, я до сих пор не понимаю, что именно я должна была в следующий раз не делать.
Дверь ведь закрыла не я.
Но, видимо, профилактика наука сложная.
И, судя по всему, в нашей семье я проходила её особенно часто.

Глава 4. Я решила спрятаться так, чтобы меня никто не нашёл

Мы с сестрой любили играть в прятки.

Но обычные прятки нас, конечно, не устраивали.

Нам надо было придумать такое место, чтобы одна другую потом искала до посинения.

Кто спрятался круче тот и победил.

Мама в это время была на кухне, что-то готовила.

Папы дома не было.

А мы с сестрой носились по нашей маленькой квартире и придумывали, куда бы ещё залезть.

Жили мы в полуторке, поэтому места для настоящих прятков было не так уж много.

Но меня это никогда не останавливало.

Если места нет его надо найти.

И я нашла.

В нашей детской стояла огромная мебельная стенка.

Такая, знаете, настоящая.

Трёхстворчатая.

Тяжеленная.

Подвинуть её самостоятельно было невозможно.

А между стеной и этой мебельной стенкой оставалась небольшая щель.

Совсем небольшая.

Для нормального человека просто щель.

Для меня идеальное место, чтобы спрятаться.

Я посмотрела на неё и подумала:

Вот сейчас я залезу.

Сестра меня точно не найдёт.

Я буду самым великим мастером прятков.

И полезла.

Сначала всё шло прекрасно.

Я протиснулась внутрь.

Потом ещё немного.

Ещё.

И вот я уже спряталась так хорошо, что сама собой начала гордиться.

Но была одна маленькая проблема.

Когда я полезла обратно, выяснилось, что голова туда пролезла гораздо легче, чем должна была пролезть обратно.

Уши зацепились за деревянную раму окна.

Я дёрнулась.

Не получилось.

Попробовала ещё раз.

Тоже не получилось.

И тут я поняла:

Я застряла.

Вот тогда мне стало не до прятков.

— МАМА!

Мама сначала не поняла, откуда я кричу.

— Аня? Ты где?
Отличный вопрос.
Я сама хотела это знать.
— МАМА!!!
Я начала дёргаться.
Чем сильнее дёргалась, тем хуже становилось.
Воздух там вообще-то был.
Если сейчас подумать спокойно, я прекрасно могла дышать.
Но тогда мне было совершенно не до спокойствия.
Мне казалось, что я сейчас задохнусь.
Началась паника.
Я кричала.
Мама бегала по комнате и не могла меня найти.
А потом, наверное, заметила кусочек моего платья.
Стоящий из стены.
— Аня?!
— Я ЗДЕСЬ!
Мама подошла.
Увидела меня.
И, судя по всему, в тот момент у неё одновременно случилось несколько чувств.
Она испугалась.
Ей стало смешно.
Потом, наверное, снова стало страшно.
А я в это время уже решила, что всё.
Вот так и закончатся мои прятки.
Внутри мебельной стенки.
Вместе с ушами.
Сестра тоже прибежала.
Посмотрела.
И начала смеяться.
Очень хорошо.
Потому что когда тебе страшно, а рядом кто-то смеётся, становится значительно легче.
Особенно если этот кто-то твоя сестра.
— Не смейся! — заорала я.
Она, конечно, смеялась ещё сильнее.
Мама попыталась меня вытащить.
Потянула.
Не получилось.
Ещё раз.
Ничего.
А шкаф не подвинуть.
Он стоял намертво.
Папы дома нет.
Отодвинуть эту машину мы не можем.
И я торчу в этой щели, как будто сама себя туда аккуратно упаковала.
Мама открыла окно.
— Дыши!
Я и дышала.
Только мне казалось, что воздух почему-то закончился во всей квартире.

Сейчас я понимаю, что воздуха было достаточно.

Просто я испугалась.

Очень.

Когда человек пугается, ему иногда становится трудно дышать даже там, где воздуха хоть отбавляй.

Но объяснить это себе маленькой девочке было невозможно.

Мне было страшно.

Очень страшно.

В конце концов мама всё-таки умудрилась меня вытащить.

Кажется, вместе с волосами.

И с остатками моего достоинства.

Я вылезла оттуда растрёпанная, красная и очень злая.

На сестру.

На шкаф.

На окно.

На эту проклятую щель.

И, наверное, немного на себя.

Потому что кто вообще додумался прятаться в месте, из которого потом невозможно вылезти?

Я.

Конечно, я.

Но самое интересное произошло потом.

Когда я уже была на свободе, мама посмотрела на меня и снова начала смеяться.

Я смотрела на неё совершенно серьёзно.

Мне было не смешно.

Я только что пережила настоящее приключение.

А мама смеялась.

Сестра смеялась.

И через какое-то время я тоже начала смеяться.

Потому что со стороны, наверное, это действительно выглядело забавно.

Маленькая девочка решила спрятаться так хорошо, чтобы никто её не нашёл.

И добилась своего.

Настолько хорошо спряталась, что потом её пришлось доставать из стены.

После этого случая я поняла одну очень важную вещь:

прятаться надо так, чтобы тебя не нашли.

Но ещё важнее

чтобы ты сама потом смогла найти выход.

Правда, ненадолго.

Потому что я была очень хорошей девочкой.

Просто у меня было слишком много идей.

Глава 5. Сливовый сок

Летом меня отправили в Белоруссию к бабушке.
Я была не одна.
Со мной была моя сестра Саша, а там нас уже ждали двоюродные сестры Яна и Юля.
Лето у бабушки вообще было отдельной жизнью.
Там всегда что-нибудь происходило.
То все куда-то идут.
То кто-нибудь что-нибудь придумал.
То на столе появляется целая гора еды.
То взрослые разговаривают, а мы носимся где-то рядом и совершенно не собираемся им мешать.
В общем, было хорошо.
И однажды тётя Таня подарила бабушке соковыжималку.
Для взрослых это была просто соковыжималка.
Для нас практически научная лаборатория.
Мы сразу решили:
Будем делать сок!
Я на тот момент была городской девочкой и соковыжималку видела, кажется, впервые.
Поэтому понятия не имела, как она работает.
Но это меня совершенно не остановило.
Потому что если у человека есть новая интересная штука, её надо испытать.
Я пошла и нарвала слив.
Много.
Очень много.
Принесла их бабушке.
Бабушка сказала:
— Помой.
Я помыла.
Всё честно.
Бабушка сказала помыть я помыла.
Никто не сказал:
— А теперь вынь косточки.
А если никто не сказал, откуда мне было знать?
Я взяла сливы.
Закинула их в соковыжималку.
С косточками.
Все.
И нажала кнопку.
Сначала соковыжималка, наверное, подумала:
«Интересно...»
Потом:
«А что это она мне принесла?»
А потом просто сдалась.
Что-то загудело.
Что-то заскрипело.
И соковыжималка перестала быть соковыжималкой.
Наступила тишина.

Я посмотрела на неё.
Она посмотрела на меня.
Ну, не буквально.
Но мне почему-то казалось, что она очень сильно на меня смотрит.
И тут все начали кричать.
— Аня!
— Ты что сделала?!
— Там же косточки!
Я стояла и совершенно не понимала, почему все так возмущаются.
Я же всё сделала правильно.
Сливы помыла.
В соковыжималку положила.
Кнопку нажала.
Что ещё от меня требовалось?
Оказывается, требовалось убрать косточки.
Вот только об этом мне сообщили уже после того, как соковыжималка перестала работать.
На меня все наорали.
Я стояла рядом и слушала.
А потом бабушка тоже начала ругаться.
Но бабушка долго сердиться не умела.
Поэтому через некоторое время сама начала смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.